

Ежи Калишан

Русские субстантивные омографы

Studia Rossica Posnaniensia 34, 171-175

2008

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

РУССКИЕ СУБСТАНТИВНЫЕ ОМОГРАФЫ

THE RUSSIAN SUBSTANTIVAL HOMOGRAPHS

ЕЖИ КАЛИШАН

ABSTRACT. In the article the Russian substantival homographs such as *áтлас – атлáс, зáмок – замóк, óтзыв – отзýв* are analysed. The author examines the main factors and mechanisms of their formation. He comes to a conclusion that the overwhelming majority of them (about 70%) can be considered as a result of derivational (word formative) processes.

Jerzy Kaliszan, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza, Poznań – Polska.

Русский язык, как известно, характеризуется огромным богатством и разнообразием явлений омографии, применительно к этому языку понимаемой как соотношение словоформ разных лексем или словоформ одной лексемы, имеющих одинаковое написание, но различное ударение, ср.: *зáмок – замóк, зáмком – замкóм, пáрить – парíть* ‘лететь’, *пáрю – парю́, вéрхом (по верху) – верхóм* (сидя на лошади); *дорóга – дорогá, нóшу – ношú, бéлка – белкá, прíстань – пристáнь, мóю – мою́, пóля – поля́, глáзу – (в, на) глазú, кóрмите – кормíте, сýнее – синéе*.

Как видно из приведенных примеров, омографы русского языка можно разделить по крайней мере на три типа, учитывая различия лексических и/или грамматических значений компонентов омографической корреляции. Так, в случае *зáмок – замóк, зáмком – замкóм, пáрить – парíть, пáрю – парю́, вéрхом – верхóм* компоненты пар имеют разное лексическое значение при одинаковом грамматическом значении; в парах типа *дорóга – дорогá, нóшу – ношú, бéлка – белкá, прíстань – пристáнь, мóю – мою́* отдельные их компоненты обладают разным лексическим значением и разным грамматическим значением; в случае *пóля – поля́, глáзу – глазú, кóрмите – кормíте, сýнее – синéе* имеем дело с омографами, обладающими различным грамматическим значением при одинаковом лексическом значении. Омографы первого типа А.И. Мельникова называет лексическими, второго типа – лексико-грамматическими, третьего типа – грамматическими¹. В терминологии Н.П. Колесни-

---

¹ А.И. М е л ь н и к о в а, *К вопросу о русских омографах*, „Русский язык в школе” 1974, № 4; е е же, *Пути возникновения и развития омографии в русском языке*, „Русский язык в школе” 1988, № 4.

кова лексико-грамматические и грамматические омографы называются соответственно морфологическими и парадигматическими².

С лексикологической точки зрения наибольший интерес представляет лексическая омография, так как в отличие от лексико-грамматической (морфологической) и грамматической (парадигматической) омографии она манифестируется прежде всего в словарных формах слов – объективно наиболее важных формах, репрезентирующих слова как единицы номинативной системы языка. Именно словарные лексические омографы и составляют объект предлагаемого здесь анализа.

Для анализа привлекается материал имен существительных. Этот материал отбирался из двух авторитетных и вместе с тем наиболее полных и актуальных лексикографических источников: *Словообразовательного словаря русского языка* А.Н. Тихонова³ и словаря *Русское словесное ударение* М.В. Зарвы⁴. В сумме наша картотека насчитывает 157 словарных омографических пар. Целью исследования является подкрепленная статистическими данными типология субстантивных омографов с точки зрения их происхождения, учитывающая продуктивные факторы и механизмы их появления в языке. Следует подчеркнуть, что в таком плане русские омографы до сих пор не изучались. В отдельных, пока исчисляемых единицами и к тому же основанных на фрагментарном языковом материале, работах, посвященных русской омографии, вопрос генетической типологии лексических омографов особо не рассматривался и не получил даже элементарного системного описания.

Уже поверхностный обзор материала позволяет предположить, что исключительно важная роль в процессе становления русской субстантивной омографии принадлежит словообразовательным механизмам. И в самом деле, среди отмеченных нами омографических пар имеется 85, т.е. около 54%, пар, составленных из слов, обладающих живой словообразовательной формой. Этого рода омографы могут восходить к двум разным базовым словам или к одному базовому слову.

К первому типу омографов относятся такие, например, диады, как *жа́ление* (к *жалить*) – *жа́ление* (к *жалеть*), *про́волочка* (уменьш. к *провода*) – *прово́лочка* (действие по глаголу *прово́лочь*), *тра́вщик* (к *травить*) ‘специалист по травлению металлов’ – *трави́щик* (к *травя*) ‘собиратель и знаток лекарственных трав’, *а́рийка* (уменьш. к *ария*) – *арийка* (ж. к *ариец*), *це́лик* (к *целить*) ‘прицельное приспособление на стволе оружия’ – *цели́к* (к *целый*) ‘нечто целое, нетронутое (о непаханой земле, девственном лесе и т.п.)’, *консерва́-*

² Н.П. Колешиков, *Система словесных омонимов в русском языке*. В сб.: *XII научная сессия филологического факультета. План работы и тезисы докладов*, Тбилиси 1968.

³ А.Н. Тихонов, *Словообразовательный словарь русского языка*, т. 1–2, Москва 2003.

⁴ М.В. Зарва, *Русское словесное ударение. Словарь*, Москва 2001.

торка (ж. к *консерватор*) – *консерваторка* (ж. к *консерваторец*). К этому разряду относятся также омографы, отражающие омографичность базовых слов, типа *бронирование* (к *бронировать*) – *бронирование* (к *бронировать*), *парение* (к *парить*) – *парение* (к *парить* ‘лететь’), *безобразность* (к *безобразный*) – *безобразность* (к *безобразный*), *желудочек* (уменьш. к *желудок*) – *желудочек* (уменьш. к *желудок* от *жёлудь*). Отраженная омография, однако, малохарактерна для существительных, она более типична для прилагательных и глаголов.

Второй тип производных субстантивных омографов, т.е. омографов, имеющих общую базовую основу, составляют пары вроде *мокрота́* (к *мокрый*) ‘сырость, влажность’ – *мокрота́* (к *мокрый*) ‘слизистое выделение из дыхательных путей’, *острота́* (к *острый*) ‘свойство или качество острого’ – *острота́* (к *острый*) ‘остроумное выражение’, *ледни́к* (к *лёд*) ‘глетчер’ – *ледни́к* (к *лёд*) ‘погреб’, *отру́б* (к *отрубить*) ‘место разруба’ – *отру́б* (к *отрубить*) ‘участок земли’, *кирпичи́на* (к *кирпич*) ‘большой кирпич’ (аугментатив) – *кирпичи́на* (к *кирпич*) ‘один кирпич’ (сингулятив), *амба́рище* (к *амбар*) ‘большой амбар’ – *амба́рище* (к *амбар*) ‘место, бывшее под амбаром’.

Некоторые пары омографов, обладающих сегодня живой словообразовательной формой, диахронически могут представлять собой результат автономизации разных значений того или иного слова и образования на его базе двух самостоятельных лексем с преднамеренно дифференцированным ударением. Случаи подобного рода рассматривает А.И. Мельникова, относя к ним, например, пары *видение* – *видение́*, *отзыв* – *отзыв*, *ста́рина* ‘былина’ – *ста́рина* и под.⁵ Возможно, что путем дифференциации значений образовались в прошлом и такие омографы, как *опроше́ние* – *опроше́ние* (лингв.), *пра́вление* ‘правка’ – *пра́вление* ‘управление’, *провиде́ние* ‘предвидение’ – *провиде́ние* ‘высшая божественная сила’, *щедро́та* ‘щедрость’ – *щедро́та* ‘проявление щедрости’, *вяза́нка* ‘вязаное изделие’ – *вяза́нка* ‘связка дров, хвороста’, *са́жалка* ‘садок’ – *са́жалка* ‘с.-х. машина’, акцентные различия которых не всегда обусловлены морфонологическими правилами словообразования. Подобные случаи, однако, требуют дополнительного изучения и могут получить однозначную интерпретацию только благодаря соответствующим этимологическим изысканиям.

Субстантивным омографическим парам, в которых оба члена корреляции являются производными словами, противостоят пары, составленные из производного и непроизводного слов (во многих случаях непроизводность, немотивированность одного из слов омографической корреляции может быть следствием его дестимологизации, утраты внутренней формы), ср.: *вене́ц* (к *Вена*) – *вене́ц* (непроизводное), *горе́ц* (к *горы*) ‘житель гор’ – *горе́ц* (непроизводное) ‘растение’, *довод* (к *доводить*) – *довод* (непроизводное), *медве́жина* (к *мед-*

⁵ А.И. М е л ь н и к о в а, *Пути возникновения...*, указ. соч., с. 77.

ведь) ‘шкура или мясо медведя’ – *медвежіна* (непроизводное) ‘растение’, *прави́ло* (к *править*) – *п्रा́вило* (непроизводное), *просты́ня* (к *простой*) ‘простой, простодушный человек’ – *простыня́* (непроизводное), *свойство́* (к *свой*) – *сво́йство* (непроизводное), *ужин* (к *ужина́ть*) ‘количество сжатого хлеба’ – *ужин* (непроизводное) ‘вечерняя еда’, *ле́карство* (к *лекарь*) ‘занятие лекаря’ – *лека́рство* (непроизводное) ‘лечебное вещество’. Наша картотека включает 22 этого рода омографические пары, что составляет 14% общего корпуса субстантивных омографов.

Кроме омографических корреляций двух мотивированных слов, с одной стороны, и корреляций производного и непроизводного слов, с другой, имеются еще пары омографов, составленные из одних только непроизводных слов. Таких пар 50, т.е. они покрывают приблизительно 32% глобального корпуса субстантивных омографов. За немногими исключениями типа *за́мок* – *замо́к*, *му́ка* – *мука́*, *остро́га* ‘шпора’ – *острога́* ‘рыболовное орудие’, *мо́шка* ‘летающее насекомое’ – *мошка́* ‘мошकारа’, имеющими славянскую родословную, сюда относятся корреляции слов, заимствованных из греческого, романских и германских языков, а также из некоторых неиндоевропейских языков. Приведем ряд примеров: *про́лог* (гр.) ‘сборник житий, поучений’ – *проло́г* (гр.) ‘вступление’, *кре́дит* (лат.) ‘правая сторона бухгалтерского счета’ – *креди́т* (лат.) ‘ссуда’, *ко́лон* (гр.) ‘ритмическая единица прозаической речи’ – *колóн* (лат.) ‘земледелец в Римской империи’, *пикни́к* (гр.) ‘тучный человек’ – *пикни́к* (англ.) ‘увеселительная прогулка’, *ро́ндо* (ит.) ‘род музыкального произведения’ – *рондо́* (фр.) ‘стихотворная форма’, *аба́ка* (лат.) ‘верхняя часть капители колонны’ – *абакá* (исп.) ‘растение’, *лопа́рь* (гол.) ‘веревка, трос’ – *лопа́рь* (швед.) ‘старое название саамов’, *атлас* (нем.) ‘альбом с географическими картами’ – *атла́с* (тюрк.) ‘сорт ткани’, *ма́ца* (ит.) ‘подушечка для набивания краской набора’ (типogr., устар.) – *маца́* (др.-евр.) ‘пасхальный пресный хлеб’, *на́хта* (фин.) ‘сыворотка’ – *пахта́* (тюрк.) ‘хлопок’, *ба́сма* (тюрк.) ‘краска для волос’ – *басма́* (тюрк.) ‘пластинка с изображением хана или тисненым узором’, *фа́нза* (кит.) ‘дом’ – *фанза́* (кит.) ‘ткань’. В собранном для анализа словарном материале имеется 37 пар этого рода омографов, что составляет лишь 23,5% всех обнаруженных нами субстантивных омографических корреляций.

Можно, таким образом, сказать, что современная русская субстантивная омография только в незначительной своей части базируется на иноязычном лексическом материале. Ее структурное ядро создают пары слов, возникшие на базе исконного материала и являющиеся результатом действия внутренних механизмов русского языка, в частности механизмов словообразования. В сумме словообразовательный фактор лежит в основе почти 70% актуально существующих субстантивных омографов, так как связь со словообразованием имеют не только пары производных слов, но и пары производного и непроизводного слов, тем более, что в последнем случае непроизводность одного из

членов омографической корреляции обычно бывает результатом опрощения его морфологического состава, превращения его из производного слова в непроизводное. Попутно отметим, что с еще большей яркостью доминирующая роль словообразования в формировании омографов обнаруживается в сфере глагола и прилагательного. Нет сомнения, что и эта сфера современной русской лексической омографии требует пристального внимания исследователей и заслуживает своего объективного системного описания.